

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПОТЕНЦИАЛА «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Г.Ю. Филимонов

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье представлено авторское видение стратегии восстановления и развития культурного влияния и арсенала «мягкой силы» России на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье. Особое внимание уделяется необходимости развития программ изучения русского языка в школах и вузах стран СНГ, создания федерального ведомства, ответственного за разработку и реализацию российской публичной дипломатии, культурной дипломатии, внешней культурной политики, информационно-пропагандистского сопровождения внешнеполитической деятельности государства. Текст содержит анализ условий, необходимых для формирования публичной дипломатии нового образца.

Ключевые слова: «Мягкая сила» России, публичная дипломатия, русский язык, СНГ, культура, внешняя культурная политика, внешняя информационная политика, национальная безопасность.

Особенность современной мировой политики заложена не только и не столько «в том, чья армия сможет одержать победу, а в том, чей сюжет выиграет» [13]. Несмотря на видимую прагматику международной повестки дня, акцентированной на использовании государствами военной силы в качестве приоритетного средства обеспечения собственной национальной безопасности, нельзя не замечать усиление влияния «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений.

Приходится нередко сталкиваться с «модной» ныне формулировкой «мягкая сила» («soft power»). Введенный в политический лексикон американским политологом Джозефом Наем [12; 14] термин, постулирующий значимость и эффективность «мягкой мощи» во внешней политике государств, становится все более актуальным. Особенно если иметь в виду США — наиболее красноречивое свидетельство эффективности «мягкой силы», тем более в таком «авторском» исполнении.

Напомню, в обобщенном виде классификация американского могущества по Дж. Наю выглядит следующим образом: под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и военная мощь, «мягкая сила» в основном характеризуется культурой, ценностями и политической идеологией, а «умная

сила» — эффективное сочетание «жесткой» и «мягкой» силы — как наиболее применимый и адекватный с точки зрения современных условий механизм обеспечения государством собственной национальной безопасности и реализации внешнеполитических задач.

Именно об этом обновленном в теоретическом плане арсенале американской внешней политики говорила Х. Клинтон в американском сенате в ходе слушаний, посвященных ее утверждению в должности госсекретаря США. Тогда она изложила суть подходов американской дипломатии к использованию «умной силы» как приоритетного инструмента внешней политики США, заявив, что «дипломатия „умной силы“ станет авангардом внешней политики США» при администрации Б. Обамы [15]. Подтвердила она эту позицию и в сентябре 2010 г. на выступлении в Совете по международным отношениям.

В ряду многих подтверждающих данный тезис примеров из реалий политической жизни США можно отметить и прямую увязку американскими политологами факта поражения республиканцев на президентских выборах 2008 г. с игнорированием «мягкой силы» как эффективного внешнеполитического инструмента.

Вместе с тем и сам Президент США неоднократно подтверждал ориентацию нового курса американской администрации на усиление роли «мягких» инструментов во внешней политике Вашингтона. В частности, 4 июня 2009 г. в Каире он заявил, что сила Соединенных Штатов является производной не только их военного могущества, но и американских ценностей [4], обозначив, таким образом, очевидное изменение подходов политического истеблишмента США к использованию инструментов «мягкой силы» и возвращение к их позиционированию в качестве одного из приоритетов американской внешней политики.

К таким инструментам, прежде всего, относится публичная дипломатия как комплекс мер, воздействующих непосредственно на общество конкретной страны. Эта система направлена на создание привлекательного образа государства за рубежом посредством информирования международной общественности и поддержания контактов с народами других государств в сфере образования и культуры.

М. Макфол, курировавший в Совете национальной безопасности администрации Б. Обамы политику в Евразии и отношения с Россией, в начале 2000-х гг. предложил говорить о «суверенитете народа», а не о суверенитете государства. На этом основании можно заключить, что американские стратеги официально подчеркивают большую эффективность прямого воздействия на народ, нежели контакты на государственном уровне.

Еще в 1963 г. директор Информационного агентства США (ЮСИА) Э. Мюрроу определил публичную дипломатию как деятельность, нацеленную не только на иностранные правительства, но, прежде всего, на отдельных людей и организации, что часто преподносится как комплекс частных взглядов в дополнение к позиции правительства.

В 80-е гг. прошлого века директор американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению К. Эдельман говорил, что традиционная дипломатия ведется скрыто и спокойно, тогда как «публичная дипломатия является от-

крытой и может быть шумно-крикливой. Традиционная дипломатия стремится избегать споров, чтобы смягчить расхождения, а публичная дипломатия стремится выявить и стимулировать споры» [7].

Полагаю правомерным трактовать понятие публичной дипломатии как систему взглядов стратегического характера, направленную на формирование позитивного имиджа страны за рубежом, посредством реализации многоуровневой информационно-пропагандистской политики. Основными направлениями такой политики являются: внешняя культурная политика, культурная дипломатия (не стоит путать эти понятия), информационное сопровождение международной деятельности государства, а по-другому — информационно-идеологическая пропаганда (этот термин более адекватен), образовательные программы по обмену, вовлечение широкого фронта работы неправительственных организаций и других институтов гражданского общества, корпоративного сектора и т.д. При этом в отличие от традиционной дипломатии публичная дипломатия адресована непосредственно населению, обращаясь к людям «через головы» правительств [11. С. 246]. В этом ее сила и эффективность.

С подачи Дж. Ная американские эксперты выделяют три основных параметра публичной дипломатии: т.н. повседневный параметр (предполагает готовность к кризисным ситуациям и проведению оперативных информационных контртак); т.н. стратегическая коммуникация (включает разработку простых тем, как в политической или рекламной кампании, и их внедрение в массовое сознание в течение года); разработка долгосрочных взаимоотношений с ключевыми индивидами в течение многих лет через систему различных стипендий, обменов, подготовки, семинаров, доступа к СМИ и т.д. [3. С. 151—154].

Кроме того, стоит отметить существующее различие в подходах к определению публичной дипломатии в научном сообществе. Конкуренцию упомянутому определению составляет понимание публичной дипломатии через призму маркетинга, брендинга, пиар-«раскрутки» [2]. Это не лишено оснований, особенно в контексте практической реализации публичной дипломатии через СМИ и разработки соответствующей медийной стратегии.

Так или иначе, публичная дипломатия — фундаментальная основа общего и весьма просторного, на первый взгляд, понятия «мягкая сила», к инструментам которой некоторые исследователи относят даже торговлю и экономическую помощь иностранным государствам. Кроме того, проявлением «мягкой силы» считают также проектирование и реализацию «бархатных» («цветных» и прочих) революций [11. С. 246], т.к. публичная дипломатия — это интервенция не только в умы, сердца и души людей, а еще эффективный способ воздействия на внутренние дела суверенного государства.

На этом фоне одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности России, сохранения ее государственного суверенитета, территориальной целостности, консолидации общества, создания условий для успешного решения внутренних проблем и соответственно возникновения возможности для ведения государством активной внешней политики предстает необходимость формирования собственного потенциала «мягкой силы».

Есть ли у России необходимость укрепления такого сегмента внешнеполитической работы? Если есть, то каковы основные задачи наращивания российской «мягкой силы»? Насколько целесообразно обращаться к примеру США и перенимать американский опыт? Каковы основные стратегические направления развития этой составляющей внешней политики?

С целью формирования аргументов для ответов на эти вопросы предлагаю рассмотреть концептуальную основу — своего рода опорные точки стратегии наращивания и эффективной реализации потенциала «мягкой силы» России.

Безусловно, приоритетным для Российской Федерации направлением развития этого сегмента международного влияния и внешнеполитической стратегии государства в целом остается «игра» на территории постсоветского пространства.

Непреложным условием эффективности работы на этом «треке» является формирование ресурсов российской «мягкой силы» внутри зарубежных государств в виде консолидации и организационного оформления деятельности русской диаспоры. К сожалению, как раз с добровольным желанием консолидироваться и организовано взаимодействовать у русских (русскоговорящих) дела обстоят непросто. На уровне общения индивидов это, к сожалению, давно стало притчей во языцех.

Здесь нельзя не отметить конструктивные практические шаги в администрировании и организационном оформлении этой сферы общественной деятельности со стороны МИДа России, исправно выполняющего возложенную на него миссию по улучшению взаимодействия с соотечественниками за рубежом. Российские диппредставительства помогают консолидации диаспоры и ее организаций, что привело к созданию глобального Координационного совета и координационных советов в большинстве российских общин в различных странах. Проводятся ежегодные Всемирные конференции соотечественников, работают госпрограмма по оказанию содействия добровольному переселению в Россию, Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). В 2007 г. указом в то время Президента России В.В. Путина учрежден фонд «Русский мир», который эффективно развивает свою полезную работу. Сравнительно недавно — 24 июля 2010 г. — действующий Президент России Д.А. Медведев подписал новый закон о соотечественниках.

Но при всем понимании значимости и последовательных таких шагов российской дипломатии и общественности, реализованных на этом поле за последнее десятилетие, стоит отметить, что они едва ли покрывают и треть от потребности России в дальнейшем укреплении и расширении возможностей «мягкого» воздействия по периметру границ.

В этой связи одним из ключевых условий поступательного укрепления авторитета России на постсоветском пространстве является обеспечение и углубление российского культурного присутствия за рубежом. Безусловным приоритетом здесь остается сохранение и укрепление русскоязычного пространства вдоль границ Российской Федерации на основе добровольного притяжения народами дружественных и братских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, основанного на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств.

Речь идет о планомерной и трудной работе по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов постсоветского пространства и дальнейших шагах по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России.

К сожалению, картина нынешнего состояния дел в этой сфере пока не внушает оптимизма. Продолжающееся с 1990-х гг. сокращение русских школ обостряет ситуацию с продвижением российского образования на русском языке. Число владеющих русским языком в «ближнем зарубежье», включая страны Балтии, сократилось с 90-х гг. вдвое. Не владеют русским языком 8 млн человек на Украине и 1 млн в Грузии. Вместо 20 тысяч русскоязычных школ на постсоветском пространстве действует около 7 тысяч, число детей, обучающихся на русском языке, сократилось более чем на 2 млн человек — до 3,1 млн [6]. В Таджикистане с 1991 по 2001 г. число школ с русским языком обучения сократилось втрое — с 90 до 29, а смешанных — на одну треть. Количество часов преподавания русского языка и литературы стремительно уменьшается в Казахстане [9]. В Узбекистане количество часов, отведенное на преподавание русского языка, сократилось до 170 часов в 7—11 классах. Сокращаются часы преподавания в Кыргызстане.

Необходимость открытия новых русских школ остается неудовлетворенной. За исключением единичных случаев открытия русских школ в местах прохождения службы российскими военными, постоянного механизма открытия школ до сих пор не выработано.

Известно, что для поддержки образования на русском языке в рамках СНГ нескольким вузам России придан статус базовой организации по образованию. В некоторых государствах Содружества открывались совместные российско-национальные вузы. В 2008 г. по инициативе РУДН при содействии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ был создан «Сетевой университет СНГ».

Вместе с тем, несмотря предпринимаемые шаги, в т.ч. по развитию дистанционных обучающих программ на базе филиалов российских вузов в СНГ, большинство из этих российских учебных заведений, особенно в центральноазиатских республиках, по-прежнему страдают от недостатка финансовых вложений в материально-техническую часть учебного процесса — снабжения учебно-методической литературой на русском языке, мультимедийными средствами обучения и т.д. В них практически отсутствуют приглашенные из России лекторы, в то время как американцы, например, действуя в духе своих традиций, успешно создают систему работы через вузы в СНГ, активно привлекая преподавателей из США. При этом имеющие финансовые (грантовые) возможности местные студенты предпочитают уехать на учебу в США, европейские и другие страны [9].

Кроме того, камнем преткновения становятся подходы некоторых государств, демонстрирующих избирательность, соглашаясь на одни проекты и отказываясь от участия в других. Часто это связано с готовностью развивать двусторонние связи, но при этом воздерживаться от участия в гуманитарных проектах всего Содружества.

Безусловно, существенным препятствием для развития русского языка на постсоветском пространстве является политизация этого вопроса элитами государств региона, влияние уровня и характера двусторонних отношений с Россией на эффективность продвижения этой тематики, использование данного вопроса для торга по другим пунктам двусторонней повестки дня. Но все это должно служить хорошим стимулом для более активной и качественной работы.

Отмечая несомненно позитивный, но не столь масштабный просветительский эффект от работы российских культурных центров, действий Минобрнауки России и Россотрудничества по реализации международной части федеральной целевой программы «Русский язык (2006—2010 гг.)» и подготовке аналогичной программы на 2011—2015 гг., приходится констатировать, что практическая польза этих шагов для национального населения пока не вполне очевидна. По-прежнему нет системности преподавания русского языка (постоянно действующих курсов). Курсы единичны, и не все могут себе позволить их оплачивать, а региональные элиты зачастую далеки от желания обеспечить соответствующую господдержку. Хотя стремление изучать русский язык в странах СНГ есть. Особенно тянутся к его изучению граждане Таджикистана, Армении, Молдавии и Киргизии, что в первую очередь обусловлено экономической ориентацией этих государств на Россию. В этой связи нельзя не усиливать меры по активизации работы существующих и учреждению новых русских культурных центров за рубежом.

Что касается популяризации русского языка в дальнем зарубежье, то в этом плане показательным стало выступление Президента России Д.А. Медведева на встрече с выпускниками советских и российских вузов 31 октября 2010 г. в ходе официального визита во Вьетнам, в котором он акцентировал внимание на необходимости создания новых информационных возможностей и технологий для изучения русского языка. При этом глава государства подчеркнул, что не нужно бояться на это тратить деньги, т.к. «в конечном счете эффект от работы с представителями иностранных государств, которые владеют русским языком, гораздо выше... и это должен быть один из приоритетов работы... Нужно стараться распространять современный опыт, продвигать современные методики преподавания русского языка во всем мире» [1]. Если это — иллюстрация тенденции к сознательному и активному возвращению таких инструментов в арсенал внешней политики России, то данные подвижки не могут не внушать осторожного оптимизма.

В плане развития культурно-гуманитарного сотрудничества как одного из приоритетных направлений аккумуляции «мягкой силы» России на постсоветском пространстве наряду с уже действующими по линии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества СНГ проектами стоит усилить акцент на увеличение численности экспозиций из лучших музеев России за рубежом, организацию гастролей российских театральных коллективов, представителей оперной сцены, балета, классической музыки, вокала и т.д. — все то, что традиционно формирует всемирно известный образ русской культуры, включая историко-культурные традиции народов Российской Федерации.

В этом аспекте отдельным и крайне значимым сегментом российской публичной дипломатии и «мягкой силы» в целом является формирование внешней

культурной стратегии России, развитие внешней культурной политики и культурной дипломатии.

Почти десять лет назад в российском внешнеполитическом ведомстве разработан концептуальный документ под названием «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами», т.н. концепция внешней культурной политики — инструмента достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества [5]. Сейчас нужно обратить внимание на необходимость актуализации этого документа, дополнить и развить эти программные установки, приведя в соответствие с вызовами времени.

Имеет смысл развивать подкрепленные как государственным финансированием, так внебюджетными источниками усилия в двух основных плоскостях:

— высокая культура и высокая искусство как «визитная карточка» России в мире и основная статья ее культурного экспорта (масштабная активизация экспонирования за рубежом произведений российских мастеров классического искусства и его современных форм, содействие увеличению числа гастролей российских коллективов, ускорению динамики культурных обменов и т.д.);

— развитие производства и экспорта отечественных продуктов массовой культуры, но не в пошло-шаблонном варианте воспроизведения и копирования западных аналогов различных направлений современной музыки, танцевального искусства и т.д., а путем культивации собственного эксклюзивного стиля на основе всех имеющихся форматов и высокопрофессионального исполнения своих наработок в каждой из ниш поп-культуры и субкультурных движений, а также тех исконно отечественных музыкальных направлений, которые никак нельзя отнести к универсальной массовой культуре (народная песня, романс, различные течения в современной российской фолк-музыке и т.д.).

В этом контексте детального анализа в рамках отдельной работы требует тема современного отечественного кинематографа, повышения его доли в прокате на российском рынке и наращивания экспортного потенциала, прежде всего, на постсоветском пространстве, особенно в сегменте «умного» концептуального кино и высокобюджетных «блокбастеров» на военно-историческую тематику. Кстати, с точки зрения подачи материала — освещения исторических событий в выигрышном для себя ракурсе, идеологической «заправки» и подхода к кино как политическому инструменту — опыт голливудских кинематографистов вполне мог бы служить хорошим примером и для наших кинопроизводителей.

Следующим в перечне основных факторов, обуславливающих успех «мягких» инструментов внешнего воздействия государства и его умения расположить к себе международное сообщество, является возможность дать высшее образование иностранным студентам в своих вузах. Выпускники вузов возвращаются к себе на родину, где часть из них со временем занимает руководящие посты.

Рассматривая в качестве модели опыт США, стоит напомнить о десятилетиями отработанной крайне результативной системе формирования лояльно или дружественно настроенных по отношению к Соединенным Штатам политических и бизнес-элит в странах, студенты из которых в свое время получили образование в американских вузах в рамках международных образовательных программ.

Выпускниками таких программ являются более 200 настоящих и бывших премьер-министров и президентов. Среди них Т. Блэйр, М. Тэтчер, Г. Шрёдер, М. Саакашвили, В. Ющенко, 80 членов правительства Саудовской Аравии получили образование в США, 75 членов парламента Кении обучались в американских университетах и т.д. [11. С. 260—261].

На этом фоне вновь нельзя обойти исторический пример длительного доминирования СССР в сфере «мягкой силы» во времена «холодной войны» (до конца 1970-х — начала 1980-х гг.) в части идеологической пропаганды, а также формирования дружественных политических элит зарубежных государств путем предоставления иностранным гражданам высшего образования в Советском Союзе.

Как полагают американские исследователи, анализ культурного экспорта США в конце 1950—1960-х гг. подтверждает мнение, согласно которому пропагандистские шаги правительства Соединенных Штатов на информационном фронте и программы культурных обменов представляли собой робкую реакцию на советскую идеологическую атаку.

По этому поводу в 1958 г. журналист Питер Грот писал: «Америка является страной с наиболее развитой индустрией рекламы, но когда дело касается наиважнейшей рекламной кампании — рекламы самих себя и демократического образа жизни, мы заметно отстаем от коммунистов».

П. Грот обвинял американских политиков в том, что после завершения Второй мировой войны с их стороны не было предпринято каких-либо заметных шагов в сторону учреждения программ по культурным контактам с другими государствами. Причиной тому, считал журналист, было невежество президента, Конгресса и американского общества в целом.

Самый живой, яркий и в своем роде уникальный пример в истории формирования этого аспекта публичной дипломатии нашей страны — Российский университет дружбы народов (в ту пору — УДН им. П. Лумумбы).

Созданный в 1960 г. как один из приоритетных государственных проектов с целью формирования «подконтрольных» политических элит в зонах влияния СССР на планете, университет явил собой первый и, к сожалению, единственный пример широкомасштабной государственной поддержки такого источника формирования «мягкой силы» страны (1).

И хотя вуз создавался как политический проект в известной международной обстановке и соответствующей идеологической атмосфере, вряд ли найдутся несогласные с эффективностью этого инструмента, не раз подтвердившего свою состоятельность, активно участвуя в фактическом «конструировании» истеблишментов стран Азии, Африки и Латинской Америки и снискав международную репутацию советского оплота той самой «soft power» (сам термин, как известно, вошел в обиход лишь в 1990-е гг.).

Кроме того, по своей мультикультурной специфике не имеющий мировых аналогов университет служит действенным средством формирования благоприятного климата межнационального общения народов России, а при соответствующем внимании со стороны государства мог бы в разы повысить свою эффективность в этом плане, принося заметную пользу государственной национальной политике.

В таком контексте не стоило бы игнорировать систему прекрасно выполнявших свои задачи институтов — советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами во главе с центральной организацией — Союзом СОД. Нечто подобное, конечно в измененной форме, могло бы очень пригодиться сейчас.

Исходя из изложенного, возникает резонный вопрос: не пришло ли время нашему государству, наряду с восстановлением внутренней силы, преодолев тяжелый период политико-экономической и социальной «ломки», а затем вступления в эпоху развития и видимого процветания (небольшого процента населения страны) за счет длительного периода благоприятной ценовой конъюнктуры на мировом рынке нефти, обратить внимание на имеющийся «под рукой» колоссальный по своим возможностям инструмент формирования платформы для реализации долгосрочных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов России, особенно в Азии, Африке и Латинской Америке? Не стоит ли с этой целью вернуться к комплексной государственной поддержке вузов России, ведущих активное обучение иностранцев, предполагающей хотя бы частичное финансирование из госбюджета (по примеру субсидирования подобных программ в США и других странах), а также предусмотрев возможные альтернативные источники финансирования?

Образовательные программы представляются эффективным механизмом долгосрочного действия. Между тем в российской публичной дипломатии подобные механизмы практически отсутствуют. В Россию приезжают гораздо меньше студентов и преподавателей университетов, а представителей США и Западной Европы среди них еще меньше. У нас образование на английском языке практически не ведется, а русский язык, несмотря на все усилия, распространен только в среде русских эмигрантов и в республиках бывшего СССР.

У студентов должна быть возможность получать российские гранты, приезжать учиться в Россию, а у исследователей России должна быть возможность посещать страну и принимать участие в конференциях. Нужно активизировать межгосударственные культурно-образовательные программы по обмену в отношении прежде всего республик СНГ, особенно в части стажировок по обучению русскому языку и открытия новых учреждений и курсов русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о развитии публичной дипломатии как самостоятельного и действенного сегмента государственной политики и разработки долгосрочной информационно-пропагандистской стратегии по формированию позитивного облика России в мире. Для усиления «мягкой силы» России необходимо создание системы публичной дипломатии, которая сочетала бы традиционные взгляды и новые маркетинговые подходы в целях достижения как краткосрочного, так и долгосрочного эффекта воздействия на зарубежную аудиторию [2]. Россия должна научиться продюсировать образы.

Конечно, очевиден технологический диспаритет медиа-арсеналов не в нашу пользу. Это красноречиво продемонстрировал пример информационной войны вокруг событий в Южной Осетии в августе 2008 г. Кроме того, небольшую эффек-

тивность показали и привлекавшиеся по госзаказу иностранные пиар-агентства, в частности, компания «Кетчум», с которой Администрация Президента России в 2006 г. подписала контракт с целью обеспечения положительного информационного фона в период российского председательства в «Группе восьми» в 2006 г.

Вместе с тем, используя имеющиеся наработки и международные контакты в сфере глобального пиара, имеет смысл прибегнуть к финансовым возможностям российского крупного бизнеса не столько для того, чтобы «залить» конкурентов деньгами, проложив «зеленый коридор» отдельным российским СМИ (тем более, это вряд ли будет продуктивно и жизнеспособно, особенно в долгосрочной перспективе, имея в виду финансово-политическую мощь таких «великанов», как CNN), сколько для более агрессивной «игры» в сфере информационной и развлекательной телевизионной индустрии на поле «команды соперника».

Результатом таких шагов могло бы стать появление новых информационно-новостных (наряду с «Russia Today»), а также научно-популярных, спортивных и развлекательных телеканалов и радиостанций, вещающих на иностранных языках на зарубежную аудиторию.

Существующих информационных ресурсов крайне недостаточно. А между тем публичная дипломатия нужна и для того, чтобы на телеэкранах широкой международной аудитории появлялись не пьяные бомжи с площади трех вокзалов в Москве или серо-черные картинки унылых рабочих районов моногородов, что так любят смаковать западные телекомпании, а удивительные яркие пейзажи из разных регионов страны, достопримечательности, прекрасные города и красивые лица одаренных, пассионарных, независимых и успешных людей.

Не менее пристального внимания заслуживает и развитие кириллического сегмента в Интернете, а также распространение и популяризация англоязычного контента отечественных сетевых ресурсов. Нельзя пренебрегать и полезностью популярного ныне феномена блогосферы как эффективной дискуссионной площадки, а также тренажера для «обкатки» шагов в сфере публичной дипломатии на неправительственном уровне.

Однако создание системы собственных международных СМИ — это важный, но всего лишь первый этап. Чтобы создавать привлекательную для мировой общестственности «картинку», государству нужна структура, которая бы координировала все направления публичной дипломатии, культурной дипломатии, внешней культурной политики, пропаганды, а также отвечала за подготовку кадров и участвовала в формировании внешней политики.

В современной России такого государственного органа не существует, соответственно, нет механизма межведомственной (межкорпоративной) координации усилий на этом направлении. Управление российской публичной дипломатией происходит на уровне высшего руководства страны через пресс-службу и внешнеполитическое структурное подразделение в Администрации Президента и Аппарате Правительства России. «Несмотря на некоторые достоинства, у подобной структуры есть и очевидные недостатки: во-первых, в силу количества обязанностей, занимающим эти должности сложно руководить публичной дипломатией

систематически, на повседневной основе. Во-вторых, вся организация носит строго вертикальный характер, что затрудняет проявление инициативы снизу и усложняет горизонтальную кооперацию» [2].

Создание в России структуры наподобие яркого примера из истории США — ЮСИА (существовало с 1953 по 1999 гг.) [10. С. 107] — могло бы сохранить нынешнюю вовлеченность высшего руководства в публичную дипломатию, а также обеспечило бы более эффективную обратную связь при поступлении большего объема информации «снизу» из негосударственных сфер.

Помимо прочих задач такое ведомство могло бы участвовать в подготовке кадров для российской публичной дипломатии, т.к. в стране сегодня нет профессиональных специалистов в данной области и это один из существенных пробелов в системе формирования отечественного потенциала «мягкой силы».

Отдельного внимания, несомненно, заслуживает конфессиональный аспект как мощный созидательный фронт работы религиозных учреждений, представляющих основные исповедуемые населением России конфессии. В этом плане обособленно привлекает внимание активная деятельность Русской Православной церкви как ныне мощного государственного пропагандистского ресурса, который при поддержке «сверху» становится все более влиятельным политическим институтом. В этой связи важно отметить эффективность работы РПЦ на внешнеполитическом направлении, ее содействие реализации государственных задач в разных сферах международной деятельности и укреплению потенциала российской «мягкой силы» в мире. Но эта тематика — предмет отдельного исследования в силу ее неоднозначности, различия подходов населения страны к духовным и социально-политическим аспектам деятельности церкви, наличия деликатных вопросов межконфессиональных отношений и других аргументов.

Еще одним действенным путем борьбы с «черным пиаром», часто политизированным и искусственным формированием негативного имиджа России за рубежом, должно служить развитие сферы туристических услуг как за счет государственных вложений и создания комфортных условий для работы туристического бизнеса, так и на средства частных инвесторов, расширяющих спектр программ по привлечению иностранных туристов в Россию. При этом понятную заинтересованность должны проявлять администрации регионов, на территории которых находятся места, пригодные для развития международного туризма. Благо таких примеров немало. И в этом случае вопросы вызывает одна из российских административных реалий — мягко говоря, неочевидность эффекта от совмещения трех разных масштабных и затратных направлений государственной политики в рамках одного ведомства — Министерства спорта, туризма и молодежной политики России.

Нельзя не затронуть еще один жизненно важный для государства аспект. «Мягкая сила» — это привлекательная сила, а привлекательный образ страны автоматически содействует формированию комфортного инвестиционного климата и очевидно способствует развитию национальной экономики. В этом контексте любопытной видится идея «клонирования» провозглашенного нынешним руко-

водством России курса на модернизацию и инновационное развитие экономики применительно к развитию взаимодействия в этих сферах с государствами — участниками СНГ.

В настоящее время Россотрудничество готовит межгосударственную целевую программу инновационного сотрудничества для стран СНГ до 2020 г. [8]. Хотя инициатива пока вызывает немало обоснованных вопросов и может остаться протокольно-декларативным документом, необязательным к исполнению, сам факт движения в этом направлении представляется как раз попыткой завладения идеей, умами и формирования имиджа России как инновационного передовика-лидера в СНГ. Поддержка и развитие подобных инновационных наукоемких проектов наряду со «сколковской» эпопеей — неоспоримый вклад в укрепление компонентов «мягкой», даже скорее «умной» силы России.

Особо важным и чувствительным направлением работы России, прежде всего на пространстве СНГ, представляется противодействие активной деятельности США, наиболее эффективно использующих инструменты из своего богатого арсенала «мягкой силы». Прежде всего, это касается многоуровневого блокирования возможности для реализации проектов политтехнологического «конструирования» враждебных к России режимов по периметру ее границ, организации «бархатных» революций, финансирования антироссийских акций со стороны государств постсоветского пространства и т.д.

Безусловно, основой базой, создающей возможность системного и организованного использования Россией «мягких» инструментов для реализации внешнеполитических задач служит финансово-экономический потенциал страны. В этой связи успех стратегического развития данного сегмента внешней политики зависит от возможностей как федерального бюджета, так и государственной политики по привлечению крупного бизнеса к финансированию долгосрочных проектов, имеющих эффект отложенного политического действия. При этом экономическая целесообразность таких начинаний сперва может казаться крайне сомнительной. Тогда нужно выбирать: руководствоваться прагматичными соображениями экономической конъюнктуры и законами рынка или допустить возможность некупаемых вложений на начальных этапах, создающих платформу для политического и экономического влияния в перспективе.

Несомненно, такие инициативы вызывают вопросы.

Да, перспективы неочевидны и нет гарантий. Конечно, это делают США потому, что могут себе позволить такое «удовольствие». В свое время упомянутый подход активно практиковал и СССР.

Однако важно отметить, что здесь не имеется в виду бесконечное «кормление» дружественных государств, братских республик и их коррумпированных элит, списание гигантских долгов и т.д.

Рассчитав в долгосрочной перспективе политический и экономический эффект таких шагов, стоит задуматься над целесообразностью практической реализацией подобных мер. И важно помнить, что, с одной стороны, продолжение политики использования энергетического оружия как одного из наиболее убедительных

и действенных внешнеполитических инструментов подтверждает свою неизменную эффективность и остается крайне актуальным.

С другой стороны, негибкая тарифная политика в отношении ближайших братских государств по вопросам поставок российских углеводородов и другим сюжетам наносит ущерб восприятию России не столько элитами, сколько, к сожалению, народами этих государств (вследствие ответных пропагандистских кампаний). Результат — потеря едва формирующейся возможности восстановления потенциала «мягкой силы» прежде всего там, где общие исторические, этнические и социокультурные корни, казалось бы, предполагают гораздо более благоприятные условия для добрососедства и всестороннего взаимодействия.

В данном случае нельзя не упомянуть о принципиально значимой теме, без которой формирование и реализация «дорожной карты» по комплектованию национальных арсеналов «мягкой силы» и обеспечению культурной безопасности России немыслима. Это проблема преодоления спроектированной и управляемой извне многоуровневой разобщенности русского, белорусского и украинского народов как представителей единого этноса.

Полагаю, что исторические, этнографические, лингвистические и иные доводы в подтверждение тезиса об этническом родстве и единстве трех народов излишни. Остается напомнить, что поддержание политической, экономической и даже культурной междоусобицы трех составляющих единого народа является основным козырем и стратегической задачей групп влияния на Западе, оказывающих воздействие на процесс принятия и содержание внешнеполитических решений во многих государствах постсоветского пространства, содействующим финансированию цветных революций, определяющих политическую риторику руководства этих стран.

Однако не только объемы финансового могущества государства определяют возможность обеспечения и постоянного обновления и пополнения арсеналов «мягкой силы», хотя наличие денег, конечно, имеет принципиальное значение. За 8 лет углеводородных сверхдоходов в государственный бюджет и формирования всяческих финансовых институтов типа Стабилизационного фонда и т.н. Фонда национального благосостояния можно себе позволить «роскошь» хотя бы предположить наличие возможности даже на фоне глобального экономического кризиса предусмотреть статью расходов на датирование сферы, напрямую влияющую на международный имидж государства, состояние национальной безопасности и обороноспособности России.

Здесь важен факт осознания элитой существования проблемы, необходимости демонстрации политической воли и реализации конкретных шагов по ее воплощению. На этом фоне наряду с движением «сверху» и сильным административным воздействием особую актуальность и значимость для решения поставленной задачи приобретает опора на формирующиеся институты гражданского общества. Основным мерилom социального развития страны и ориентиром для власти должна служить правовая защищенность граждан, дающая встречный импульс «снизу» как сигнал готовности общества по итогам конкретных действий истеблишмента

поверить в возможность построения социального государства, а вместе с тем и в наличие условий для дальнейшего формирования отечественного потенциала «мягкой силы».

На этом фоне обнажается отсутствие механизма координации публичной дипломатии государства с неправительственными организациями и другими негосударственными участниками, например, деловыми кругами. Между тем совместные программы российских и западных НПО, а также НПО и бизнеса, могут стать самостоятельным и действенным направлением публичной дипломатии России.

* * *

После ознакомления с основными изложенными в статье тезисами у читателей может возникнуть резонный вопрос: возможно ли создать привлекательность извне, не сформировав такую силу внутри государства? Очевидно, что «мягкую силу», грамотную внешнюю культурную политику, собственную стратегию национальной культурной безопасности способно создать только сильное государство, умеющее эффективно решать внутренние проблемы, параллельно воспроизводя привлекательные образы.

В этом плане у России масса нерешенных задач. Прежде чем развивать пропагандистский инструментарий, необходимо окончательно оформить государственную идеологию, которая до сих пор находится в процессе кристаллизации. Требуется содействие духовно-нравственному оздоровлению народа, планомерное наведение порядка в умах и сердцах, прежде всего молодых людей.

Необходимо полномасштабное государственное финансирование и реализация программ по массовому привлечению граждан к занятиям физкультурой и спортом, обеспечение антиалкогольной, антитабачной, антинаркотической пропаганды, несмотря на ожидаемое противодействие влиятельных лоббистских группировок. Эти шаги как составляющие национальной безопасности неразрывно связаны с необходимостью выстраивать на новом уровне систему подготовки атлетов для спорта высших достижений.

Если одним из основных брэндов сегодняшней публичной дипломатии России и образов, формирующих запас прочности «мягкой силы» нашей страны, является Сочи-2014 и российский спорт в целом, то необходимо все время помнить об итогах Олимпийских игр в Ванкувере в 2010 г. как о проявлении системного кризиса, причем совершенно предсказуемого и складывавшегося годами.

А это и есть громкий звонок, предупреждающий не только о невиданном доселе спортивно-политическом поражении на международной арене, но, что более важно, о реально существующей угрозе национальной безопасности страны, воспроизводству здорового населения и формированию новых потенциалов «мягкой» и «жесткой» силы вместе взятых.

Другое важнейшее направление — активизация всесторонней работы государства и общественных организаций по целенаправленному поступательному выправлению кризисной демографической ситуации в стране и связанное с этим восстановление стержневых нравственных социальных ориентиров.

Цепочку фундаментальных проблем современного российского общества, к сожалению, можно продолжать еще долго, но анализ социальных болезней как иллюстрации обратной стороны сегодняшних российских реалий, влияющих на формирование международного имиджа страны и потенциала ее «мягкой силы», — предмет отдельной публикации.

Таким образом, казавшаяся несколько экзотической проблематика формирования национальных арсеналов «мягкой силы» на поверку задевает фундаментальные проблемы российской политической, социально-экономической и культурной действительности, через решение которых можно ковать щит и меч отечественной публичной дипломатии.

Справившись с внутренними проблемами и став по-настоящему сильным государством, могущество которого заключается не только в сохранившемся со времен «холодной войны» потенциале ядерного сдерживания, можно снискать уважение и сделать свою силу привлекательной — «мягкой» — добиваясь неизменно весомых результатов во внешнеполитической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Университет дружбы народов учрежден 5 февраля 1960 г. решением Правительства СССР. Решение учредить в Советском Союзе Университет дружбы народов было принято советским руководством в ответ на пожелания правительств и общественности стран, освободившихся от колониальной зависимости. Основной целью университета было оказание помощи в подготовке высококвалифицированных и воспитанных в духе дружбы между народами национальных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, предоставление молодежи этих стран, прежде всего из малообеспеченных семей, возможности получить образование. Прием студентов осуществлялся через общественные организации и правительственные учреждения, а затем посольства и консульства СССР. Учредителями УДН стали Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС), Советский Комитет солидарности стран Азии и Африки, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) (<http://www.rudn.ru/?pagec=13>).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Встреча Д.А. Медведева с выпускниками советских и российских вузов. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9386>
- [2] Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/article/news0004.html>
- [3] Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. — Новосибирск—Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006.
- [4] Обама в Каире призвал завершить период разногласий между Западом и исламским миром. URL: http://www.newsru.ru/world/04jun2009/obama_3.html
- [5] Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами: приказ МИД России от 23 февраля 2001 г. URL: www.mid.ru
- [6] Русский мир сужается. URL: <http://www.apn.ru/news/article18785.htm>
- [7] Сеидов В.Г. От традиционной дипломатии к публичной дипломатии. URL: http://evartist.narod.ru/text10/81.htm#з_05
- [8] Соловьев В. Содружество независимых инноваций // Коммерсант. — 16 ноября 2010. — № 211.

- [9] *Старчак М.А.* Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/analytics/article/news0003.html>
- [10] *Филимонов Г.Ю.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США. — М.: РУДН, 2010.
- [11] *Ширяев Б.А.* Внешняя политика США. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
- [12] *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. — N.Y., 1990.
- [13] *Nye J.* Soft Power Explained / A Video Lecture By Harvard University Professor Joseph Nye at International Symposium on Cultural Diplomacy, Berlin 27th—31st, 2009. URL: <http://www.culturaldiplomacy.org/academy/index.php?Videos-of-the-International-Symposium-on-Cultural-Diplomacy>
- [14] *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2004.
- [15] *Nye J.* The Powers to Lead: Hard, Soft, and Smart. URL: <http://video.google.com/videoplay?docid=-4238036372829265114#docid=2627289531242507463>

THE ACTUAL PROBLEMS OF FORMING OF RUSSIA'S POTENTIAL OF "SOFT POWER"

G.Y. Filimonov

The Department of Theory and History of International Relations
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article presents author's vision of Russian cultural influence («soft power») regeneration and further development in the post Soviet Union territory and the rest of the world. Particular attention is paid to the necessity of Russian language learning programs in schools and universities of the CIS countries. There's also emphasis on the need to create a federal agency responsible for development and implementation of Russian public diplomacy, cultural diplomacy, foreign cultural policy, informational and propagandistic maintenance of the foreign policy. The survey also contains analysis of the conditions that are necessary to build up a new model of Russian public diplomacy.

Key words: Russian «soft power», public diplomacy, Russian language, CIS, culture, foreign cultural policy, foreign informational policy, national security.